ФОЛЬКЛОР В КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ[1]

Известно, что существует несколько сотен определений «культуры». Определений «фольклора» заметно меньше. Обстоятельная статья В. Е. Гусева «Фольклор (история термина и его современные значения)», опубликованная в 1966 году, показала, что границы употребления этого термина со времени его возникновения в 1846 году были весьма подвижными [Гусев 1960: 3–21; 1967][2]. Не случайно говорят о «широком» его употреблении (вся народная традиционная крестьянская духовная и отчасти материальная культура) и «узком» (устная крестьянская словесная художественная традиция). Заметим, что признание правомерности «широкого» и «узкого» значений термина — всегда сигнал о теоретическом неблагополучии в той или иной науке. Со времени выхода указанной статьи прошло почти 30 лет, однако и теоретическое осмысление, и практическое использование термина «фольклор» продолжают варьироваться. Передвижение его по предметному полю культурологии продолжается.

Мы не предполагаем анализировать все варианты понимания термина с момента его возникновения и до наших дней. Дело не в том, чтобы установить, какие определения верны, а какие — нет. Логические доводы здесь не помогут. Всякий термин (особенно в науках гуманитарных) обрастает определенной эмоциональной

---

[1] Впервые статья опубликована в изд.: Гуманитарий: Ежегодник Петербургской гуманитарной академии. СПб., 1995. № 1. С. 164–175.

[2] В русской и мировой фольклористике известно несколько десятков обзоров (см., например: Катаров Е. Г. Что такое фольклор? // Художественный фольклор. 1929. № IV–V. С. 3–8; Funk and Wagnals Standard Dictionary of Folklore, Mythology and Legend. New York, 1949. Vol. I. P. 393–403. Здесь собрано более двадцати определений фольклора только американских фольклористов).

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

и традиционной аурой. Сложность ситуации заключается не только в том, что разное употребление термина накрепко связано с различными концепциями, разным пониманием связей предмета фольклористики с другими формами и слоями культуры, но и в далеко не одинаковой структуре культуры в разных странах Европы и Америки в те десятилетия прошлого века, когда возникали этнография и фольклористика, и в различном темпе последующего развития, разном составе основного фонда текстов, которыми манипулировала наука в каждой из стран.

Если решиться на заведомо упрощенное обобщение, то можно было бы сказать, что в современной фольклористике наибольшим авторитетом пользуются четыре основные концепции, которые вместе с тем постоянно взаимодействуют:

а) фольклор — это устно передаваемые простонародные опыт и знания. При этом имеются в виду все формы духовной культуры, а при максимально расширительном толковании — и некоторые формы материальной культуры. Вводятся только социологическое ограничение («простонародные») и историко-культурный критерий — архаические формы, господствующие или функционирующие в качестве пережитков. Мы употребляем устаревшее слово «простонародный», так как оно потеряло уничижительное значение. Оно определеннее, чем «народность», в социологическом отношении, хотя тоже достаточно условно. Важно, что оно не содержит оценочного смысла («народный артист», «народный поэт» и т. д.);

б) фольклор — это простонародное художественное творчество или, по более современному определению, «художественная коммуникация» («artistic communication»). Эта концепция позволяет распространять употребление термина «фольклор» на сферу музыкального, хореографического, изобразительного и т. д. простонародного творчества;

в) фольклор — это простонародная вербальная традиция. При этом из всех форм простонародной деятельности выделяются те, которые связаны со словом;

г) фольклор — это устная традиция. При этом устности придается первостепенное значение. Это позволяет выделять фольклор из других вербальных форм (прежде всего противопоставлять его литературе).

Таким образом, перед нами следующие концепции: социологическая (и историко-культурная), эстетическая, филологическая и теоретико-коммуникативная (устная, прямая коммуникация). В двух первых случаях это «широкое» употребление термина «фольклор», а в двух последних — два варианта «узкого» его употребления.

Неравноценное употребление термина «фольклор» сторонниками каждой из концепций, по-видимому, прежде всего свидетельствует о сложности предмета фольклористики, о его связях

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

с различными видами человеческой деятельности и человеческого быта. В зависимости от того, каким именно связям придается особенно важное значение и какие считаются второстепенными, периферийными, складывается судьба основного термина фольклористики в рамках той или иной концепции. Поэтому названные концепции в определенном смысле не только пересекаются, но подчас как бы не противоречат друг другу. Так, если наиболее важными признаками фольклора признаются вербальность и устность, то это совсем не обязательно влечет за собой отрицание связи с другими художественными формами деятельности или, тем более, нежелание считаться с тем, что фольклор всегда существовал в контексте народной бытовой культуры. Поэтому так бессодержателен был не однажды вспыхивавший спор — является фольклористика наукой филологической или этнографической. Если речь идет о вербальных структурах, то их изучение неизбежно должно быть названо филологическим, но поскольку эти структуры функционируют в народном быту — они изучаются этнографией. В этом смысле фольклористика — одновременно составная часть и той и другой науки в каждый момент ее существования. Однако это не мешает ей быть в определенном отношении самостоятельной — специфика же исследовательских методов фольклористики неизбежно развивается на скрещении этих двух наук, а также музыковедения (этномузыкологии), социальной психологии и т. п. Характерно, что после споров 50–60-х годов о природе фольклора (причем не только в нашей стране) фольклористика заметно филологизировалась и одновременно этнографизировалась и сблизилась с этномузыкологией и общей теорией культуры (работы Э. С. Маркаряна, М. С. Кагана, теория этноса Ю. В. Бромлея, семиотика культуры и др.).

Казалось, можно было бы предположить, что четыре концепции в своей совокупности могут дать подлинно научное разрешение проблемы. Однако это не так. И дело тут не в опасении, что может получиться нечто эклектическое. (Этим жупелом у нас в былые годы охотно размахивали, загоняя в клетку догматизма.) Примирять разные терминологические концепции тоже бессмысленно, так как они имеют в виду разные предметные области исследования или, по крайней мере, — разные аспекты постижения сложного явления. Вместо желанной определенности термина мы получили бы неопределенность предмета исследования. Важно еще и то, что практически, как отмечал еще сравнительно недавно Г. Баузингер в краткой, но весьма содержательной статье «Фольклор. Фольклористика» в издающейся в Германии «Энциклопедии сказки», несмотря на то что в западноевропейской и американской фольклорной теории преобладают «широкие» истолкования термина, практически обычно предпочтение отдается тем трактовкам, которые связаны с третьей и четвертой концепциями. Он пишет: «Другие близкие

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

формы — музыка, танец, изобразительное искусство, обряды и т. д.— рассматриваются как близко родственные, но подлежащие отдельному и специальному изучению». В специализированных журналах доминируют публикации, связанные со словесным фольклором, или народной художественной словесностью (verbal art), или условно Volksliteratur (народная литература) = Volksdichtung (народная поэзия). Он пишет далее: «В восточноевропейских странах этнография и фольклористика обычно разъединяются... в северных странах этнология и фольклористика соседствуют, но даже в тех институтах, где они существуют под одной крышей (как, например, в шведских университетах), они все-таки терминологически различаются. Таково же положение в англосаксонских странах, в которых фольклористика и Folklife Studies часто существуют как бы как единое целое, но все-таки различаются» [Bausinger 1984: 1397–1403].

Таким образом, практический опыт фольклористики убедительно доказывает, что выделение словесных структур и структур, связанных со словом, совершенно необходимо, особенно если это выделение происходит не за счет обрыва других связей, в том числе с музыковедением.

Нелепо было бы также считать, что предпочтительное употребление термина «фольклор» в узком его значении, распространенное в славянских странах, — так же как термин «этнография», а не «этнология» или тем более «антропология» (не физическая, а социальная или культурная) — есть признак отсталости и консерватизма. Нельзя забывать, что именно в большинстве славянских стран у фольклористов больше живого опыта: архаическая традиция еще совсем недавно была достаточно сильна или до сих пор еще живет в памяти старшего поколения. И наоборот, в Англии, Франции, Германии в те десятилетия XIX века, когда формировалась фольклористика, архаические традиции продолжали в какой-то мере функционировать только в некоторых, промышленно менее развитых районах. Вспомним о споре немецких фольклористов, происходившем уже в наши дни: в какой мере сборник братьев Гримм отражает устную сказочную традицию, тем более архаическую? Еще с большим основанием можно было бы обсуждать этот вопрос в связи с первым сборником немецких народных песен А. Арнима и К. Брентано. Песен архаического слоя, подобных русским, польским, словацким или болгарским, в нем почти не было. Большинство из них — это песни литературного или полулитературного характера, по крайней мере в стилистическом отношении.

Первая и наиболее расширительная концепция в ее конкретных очертаниях могла и должна была возникнуть в раннюю пору развития этнографии и фольклористики. Эти науки не могли еще предложить единого метода изучения столь различных областей народной культуры, как сказка (или баллада), народное жилище,

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

эпическая песня и кузнечное ремесло. Они не готовы были вместе с тем к недифференцированному рассмотрению разных сфер традиционной культуры.

Значительно труднее объяснить и оправдать сравнительно недавние рекомендации комиссии правительственных экспертов при ЮНЕСКО, связанные с программой «Охрана фольклора»: «Фольклор (в более широком смысле часть традиционной культуры) — это коллективное и основанное на традициях творчество групп или индивидуумов, определяемое надеждами или чаяниями общества, являющееся адекватным выражением их культурной и социальной самобытности; фольклорные образцы и ценности передаются устно, путем имитации и другими способами. Его формы включают язык, устную литературу, музыку, танцы, игры, мифологию, обряды, обычаи, ремесла, архитектуру и другие виды художественного творчества»[3]. Определение это откровенно эклектично и явно возникло в результате стремления путем компромисса примирить разнохарактерные взгляды экспертов. Видимо, это не могло не привести к максимально широкому истолкованию термина, противоречащему практике современной фольклористики и этнографии.

Вторая концепция (эстетическая), будучи жестко запрограммированной (только художественные формы народной культуры), чревата игнорированием естественной природы традиционных архаических форм фольклора в контексте народной культуры. Дело не только в том, что четкая выделенность прилагательного «художественные» постоянно грозит своим превращением в оценочную категорию, критерий которой весьма относителен. «Художественные» для кого — исследователей или носителей традиционной культуры? Если первое — то не значит ли это, что исследователь вправе по собственному вкусу выделять такие формы, которые он считает «художественными», и в результате будет изучать сам себя, свои собственные эстетические воззрения, а не традиционную эстетическую систему?

Эстетическая функция многих фольклорных жанров при ближайшем рассмотрении оказывается не единственной, не доминирующей. В своем более или менее чистом виде она сформировалась относительно поздно. Впрочем, она поздно сформировалась даже в сфере профессиональной культуры. Так, в истории русской литературной прозы то, что можно было бы назвать беллетристикой, для которой эстетическая функция стала доминирующей, возникло

---

[3] Conclusions of the governmental experts // NIF Newletter. 1985. Vol. 13. № 1–3. P. 6. Даю в переводе по изданию: Восточнославянский фольклор: Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. С. 377. (Анализ этой рекомендации см.: Чистов К. В. Фольклор как явление культуры: Терминологические заметки // Советская культура: 70 лет развития. К 80-летию акад. М. П. Кима. М., 1987. С. 345—348.)

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

только в XVII веке. Средневековые литература, музыка, хореография, изобразительное искусство в позднее время воспринимаются как преимущественно художественные явления, однако в большинстве случаев доминантной для них была функция практическая, информационная, магическая, религиозная, а эстетическая функция очень часто оставалась вторичной, сопутствующей, возникавшей, по крайней мере, в синкретическом единстве с названными выше или другими функциями. Рассечение на художественное и нехудожественное при такой ситуации невозможно: одно переливается в другое и существует в органическом комплексе. Тем более такое рассечение невозможно в сфере фольклора.

Кафедрой фольклора Московского университета в свое время была издана серия «Фольклор как искусство слова». В выпусках этой серии было опубликовано много интересных работ. Однако концепция, которую стремились утвердить руководители серии, оказалась неубедительной. Разумеется, словесный фольклор (а именно он при этом имелся в виду) может и должен изучаться в своем художественном качестве, однако формула, предложенная в названии серии, не выдерживает критики. Фольклор — не только искусство и не только искусство слова. При таком ограничении, если быть последовательным (слава богу, большинство исследователей при этом не были последовательны), надо было бы исключить из состава фольклора весь массив обрядового фольклора, заговоры (основная функция которых — магическая и тоже обрядовая), причитания (по тем же причинам), значительную часть преданий и легенд, быличек (функция которых прежде всего информационная и которые пересказывались далеко не всегда «художественно», по крайней мере такой психологической установки у исполнителей не было). Фольклорные жанры группируются в два единства: в первом из них доминирует какая-то неэстетическая функция, во втором — эстетическая; к первому относятся только что перечисленные и некоторые другие жанры, ко второму — сказки, эпические и исторические песни (в сочетании с функцией информационной, выступающей в виде исторической памяти), баллады, исторические песни и некоторые другие жанры. Сказанное сопоставимо с ситуацией, которая всегда была характерна для народного искусства. В крестьянском быту почти не было вещей, не имевших практического назначения. Резьба на фронтоне избы, роспись и резьба на прялке, форма и орнамент на бытовой керамике, украшения на женской одежде и головных уборах и т. д. органически сочетали практическое и художественное.

Изучение народного искусства — один из естественных разделов этнографии, но в такой же мере — истории искусства, подобно тому как словесный фольклор — один из разделов филологии и этнографии. Даже народная музыка, рассматриваемая во всем ее

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

объеме («музыка устной традиции», как ее иногда называют музыковеды), содержит формы с очень отчетливой практической функцией. Такова, например, пастушеская музыка, особенно развитая в горных районах, а также формы, связанные с самыми разнообразными магическими действиями. Разумеется, существуют и комплексы (песенные, инструментальные), эстетическая функция которых достаточно развита. Но можно ли их понять, обрубая связи с теми комплексами, для которых практическая функция столь важна или просто доминирует?

При существующем разнобое в употреблении термина «фольклор» важно, чтобы каждый раз было ясно, какое значение придает ему исследователь в каждом данном случае. В настоящей статье мы будем держаться взгляда, согласно которому фольклор — это совокупность структур, интегрированных словом, речью, вне зависимости от того, с какими несловесными элементами они связаны. Вероятно, точнее и определеннее было бы пользоваться давним и с 20–30-х годов вышедшим из употребления терминологическим словосочетанием «устная словесность» или — с не очень определенным социологическим ограничением — «устная народная словесность».

Третья из названных выше концепций выделяет словесные (вербальные) формы, признает фольклор речью, вербальной коммуникацией. При этом возникают две проблемы. Первая — выделение фольклора из обыденной, деловой, практической речи. Если любой язык — это не просто инструмент для говорения или письма, а система, моделирующая человеческий мир, представления о мире, картину мира, то фольклор (так же как мифология, литература) — вторичная моделирующая система, пользующаяся языком как материалом.

Вторая проблема заключается в том, что в отличие от повседневной речевой практики, порождающей разовые тексты по определенным правилам (грамматическим, логическим и т. п.), в своей совокупности составляющим традицию языка, на котором общаются говорящие, фольклорная традиция — это трансмиссия текстов, вхождение текстов в традицию, усвоение их и воспроизведение. Здесь тоже нет четко обозначенной границы. Тексты поставляются в традицию именно в процессе речевого общения. Первоначально создаются разовые тексты, в том числе и будущие фольклорные. Это тексты минимального объема — фразеологизмы, устойчивые речевые обороты, приобретающие вторичный смысл, вторичный моделирующий характер, это как бы «вторичные слова», входящие из речи в традицию языка. Они обретают свою функцию и становятся простейшими элементарными фольклорными формами. Максимальные по объему тексты — контаминированные сказки, эпические поэмы и т. д. Между элементарными и максимальными формами размещается все разнообразие фольклорных жанров, имеющих

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

самые разнообразные функции и структуру [Jolles 1930; Ranke 1961: 1–11; Bausinger 1968; Пермяков 1970].

Мы не можем здесь углубляться во многие вопросы, связанные с этим кругом проблем. Отметим только необходимость дифференцированного подхода к закрытым и открытым структурам (сравним сказки и причитания или колыбельные песни), а также к структурам, имеющим сильные (весь обрядовый фольклор, игровые песни и т. д.) и слабые внетекстовые связи (эпические песни, баллады, многие виды лирических песен и др.). Внетекстовые связи — один из важнейших критериев различения целой группы фольклорных жанров и литературы. Большинство авторов, писавших о различии фольклора и литературы, не касались этой проблемы. Нам приходилось писать о ней и некоторых смежных вопросах, поэтому позволим себе отослать читателя к ранее опубликованному [Чистов 1986: 127—178].

И наконец, четвертая концепция, как уже говорилось, делает акцент на устности как важнейшей особенности фольклора. Она тесно связана с третьей, филологической концепцией и построена на стремлении выделить среди словесных форм устные, связать основные особенности фольклора с принципиально иным, чем в литературе, типом коммуникации — прямым и контактным (face to face communication, direkte Kommunikation), а также с ролью памяти в сохранении и функционировании фольклора, с функционированием текста как средства, реализующего и процесс, и результат коммуникации, с варьированием и ролью в нем исполнителя (субъекта коммуникации) и воспринимающего (реципиента) как потенциального исполнителя. Теоретически не менее важна проблема обратной связи, зависимости исполнителя и его текста от слушателей и их реакции в процессе восприятия текста[4], а также процесс формирования вербальных формул — стереотипов (о роли которых в процессе исполнения писали А. Лорд и его последователи, а в России еще в середине XIX века — А. Ф. Гильфердинг).

Разработка проблемы устности в XX веке, собственно, не была ее открытием как специфического явления. «Устность» и «народность» (= простонародность) фигурировали во всех четырех концепциях, о которых говорилось выше. Это обязывает нас оценить «народность», хотя бы чисто теоретически, как социологическую категорию, постоянно фигурирующую в работах фольклористов. Возникла она в связи с фольклором в период, который в истории общественной мысли обычно называют романтическим. Одновременно это было время вызревания фольклористики (как и этнографии) как науки. В историко-культурном смысле это был начальный период урбанизации наиболее развитых стран Европы, когда начал

[4] Подробнее см.: [Чистов 1975: 26—43].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

намечаться процесс изживания архаических традиций. Можно сказать, что этнография и фольклористика возникали в то время, когда почва стала уходить у них из-под ног. Носителями архаической традиции все в большей степени оказывались люди из социальных низов — крестьяне и низшие слои горожан. Они представлялись фольклористам единственными хранителями этнической традиции, что в пору созревания национального самосознания европейских народов приобрело особое значение и особый культурный статус. Расставание с архаической традицией стимулировало создание своеобразной иллюзии — общество Нового времени стало подчас казаться лишенным всякой традиции по сравнению с уходящим «обществом традиционным».

Остановимся коротко на этой проблеме. Современная культурология хорошо знает, что «культура» и «традиция» тесно связаны. Нет общества без культуры, то есть, по Э. С. Маркаряну, — адаптивно-адаптирующего механизма, обеспечивающего функционирование общества. Подобный механизм не может сформироваться без «негенетической памяти коллектива» (Ю. М. Лотман), то есть без традиции, которая в значительной мере представляет собой систему социально-значимых стереотипов. Переход от доиндустриального общества к индустриальному и урбанизированному сопровождался не ликвидацией традиции как таковой или (что в этом случае одно и то же) культуры как таковой, а сменой одной системы традиций другой, одного типа культуры другим. Таким образом, противопоставление доиндустриального общества как «традиционного» индустриальному как «нетрадиционному» не имеет теоретического основания и сохраняется по инерции или (что чаще) весьма условно.

Сказанное в такой же мере относится и к фольклору. Всякая трансмиссия текста, фольклорного или литературного, устного или закрепленного на письме, распространенного изустно тиражированием рукописи или типографским способом изготовленной книги, есть традиция. Различие между ними — это различие в содержании того, что передается посредством прямой или опосредованной коммуникации, в способах формирования такой трансмиссии, наборе стереотипов, темпе и способах их обновления.

После высказанных соображений, связанных с намеченными четырьмя основными концепциями употребления термина «фольклор», возникает вопрос: нельзя ли при их учете дать определение фольклора, которое все-таки могло бы быть «сквозным», то есть корректным для разных народов на разных ступенях их истории? Если ориентироваться на узкое определение фольклора, связанное с филологической и теоретико-информативной концепцией, но при этом учитывать и более широкий этнографический контекст, то можно было бы сказать, что фольклор — совокупность вербальных или вербально-невербальных структур, функционирующих

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

в быту. При этом имеются в виду структуры, функционирующие изустно в контактных группах (семье, общине, населенном пункте, районе, регионе, этносе и в рамках ареала того или иного языка или двуязычия). В этом определении нет характеристики содержания, стилистических особенностей, жанрового, сюжетного репертуара и т. п. Нет, потому что при всей традиционности фольклора он, если рассматривать его многовековую историю, был явлением динамичным. По крайней мере на разных этапах истории духовной культуры он приобретал определенные (далеко не всегда нам известные) особенности.

Не подлежит сомнению, что функции фольклора в целом и отдельных его жанров не могли не изменяться в зависимости от общих изменений структуры всей духовной культуры, от типа соотношения фольклорных и, условно говоря, «нефольклорных» форм и видов духовной культуры.

Если иметь в виду только интересующий нас аспект, то можно было бы говорить о трех стадиях развития духовной культуры[5].

Первую из них можно было бы обозначить как синкретическую (общество архаического типа). Фольклорные формы, в том числе и те, которым была уже в какой-то степени знакома эстетическая функция в ее архаической разновидности (часто вторичная и не доминирующая), были теснейшим образом переплетены с разнохарактерными комплексами, позже породившими самые различные ветви духовной культуры: обряды, верования, религию, мифы, исторические представления, песни, нарративные жанры и т. д. [Чистов 1986: 30–43; Мелетинский 1972; Каган 1972: 175–193]. На этой стадии фольклором можно считать все формы духовной культуры, связанные с языком, или, точнее, все традиционные словесные тексты, образующие вторичные языковые моделирующие системы (монофольклоризм). Уже на этой стадии возникают и функционируют сложные по своим составу и структуре системы фольклорных текстов, обслуживающих различные потребности архаического общества: коммуникативные, познавательные, социально-классификационные, семиотические, практические (закрепленный в слове опыт хозяйственных занятий, охоты, рыболовства, военных столкновений и т. д.).

Архаический период развития духовной культуры сменяется стадией дуализма (или, по терминологии Ю. Кристевой [Kristeva 1969: 422–426], «постсинкретическим» периодом), для которого характерен постепенный переход от гомогенной монофольклорности к параллельному существованию бытовых и, условно говоря, «внебытовых» форм духовной культуры, связанных с языком, то есть форм, возникающих за пределами быта первичной контакт-

[5] Подробнее см.: [Чистов 1986: 30—43].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

ной социальной группы (в том числе и так называемых профессиональных форм) или, наоборот, творимых ею, но потребляемых за ее пределами. В этом смысле духовная культура развивалась не обособленно, а по общим законам, охватывающим и материальную культуру, и сферу социальной организации общества. Яркие примеры в этом смысле — фольклор и литература.

Появление письменности было чрезвычайно важным событием. Если исполнение фольклорных произведений и их восприятие были всегда одномоментными и осуществлялись в рамках первичной формальной или неформальной социальной группы контактного характера, то автор литературного произведения и его читатель общаются посредством письменно зафиксированного текста, могут быть отделены друг от друга десятилетиями или сотнями километров или тем и другим одновременно.

Архаический синкретический комплекс все более дифференцируется. Рядом с фольклором постепенно формируются литература, профессиональное изобразительное искусство и театр. Внутри фольклорного слоя продолжается процесс жанровой дифференциации. Выделяются жанры с доминирующей эстетической функцией (сказка, эпическая песня, любовная песня и т. д.) и жанры, в которых внеэстетическая функция по-прежнему продолжает доминировать (заклинания и заговоры, обрядовые песни, так называемая «несказочная проза», духовные стихи и т. п.). Вторая группа жанров сохраняет свою синкретическую структуру, сильные внетекстовые связи и другие архаические особенности. Фольклор перестает быть единственной формой культуры, связанной с языком, но в масштабах этноса он еще долго продолжает преобладать, так как в быту народных масс по-прежнему играет важнейшую роль. С течением времени фольклор постепенно начинает терять некоторые из своих функций, передает их, в большей или меньшей мере, своим формирующимся соседям — литературе, профессиональному театру, профессиональной музыке и хореографии. Новые функции, порожденные развитием общества, тем более вызывают к жизни новые формы, существующие параллельно с фольклорными, подчас генетически связанные с ними, но уже не фольклорные.

У большинства европейских народов на протяжении всего Средневековья и в первые века после него фольклором был пронизан быт не только простонародья, но и средних, и верхних слоев общества. До изобретения книгопечатания количество рукописных копий любого литературного произведения было незначительным. Да и сама литература, например в России, как уже говорилось, еще в XVII веке только начала формироваться как беллетристика, для которой характерно доминирование эстетической функции. Если в профессиональном искусстве мы постоянно встречаемся с различными разновидностями «фольклоризма», то есть с вторичным

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

использованием элементов фольклора, то народный быт, как правило, по-прежнему знает преимущественно прямое (первичное) продолжение традиции. Нефольклорные по своему происхождению тексты, попадая в устную и простонародную сферу, переживают обычно интенсивное приспособление к традиции и традиционным способам функционирования.

Третья стадия соотношения фольклорных и нефольклорных форм духовной культуры исторически связана с Новым временем. Ее можно условно назвать постдуальной или стадией урбанизации. Постепенная или более быстрая переориентация деревни на городские ценности и формы культуры, ликвидация массовой неграмотности, развитие систем образования, книгопечатания, прессы, позже — радио, телевидения и других технических средств массовой коммуникации приводят к тому, что социальный ареал фольклорных форм продолжает (и теперь решительно) сужаться. Возникают общенациональные формы языка и художественной культуры. Фольклорное наследие более или менее активно используется при их создании, однако обобщенность и сравнительная однородность (гомогенность) духовной культуры развиваются не в фольклорной сфере, а в сфере профессиональных форм литературного, музыкального, театрального и т. д. творчества, подобно тому как общенациональный язык развивается как письменный наддиалектный язык.

И наконец, для этой стадии характерно все нарастающее проникновение профессиональных форм в быт нации (включая и низшие, и высшие его социальные слои) через книгу, периодическую печать, кино, радио, телевидение, звуко- (а позже и видео-) воспроизводящие механизмы и т. д. При весьма широком распространении письменных форм в условиях массовой грамотности получают бурное развитие новые устные (точнее, аудиальные и аудиовизуальные) технические формы коммуникации нефольклорного характера, которые используются, в частности, и для трансмиссии текстов как литературного, так и фольклорного (либо условно-фольклорного, вторичного) характера. Образуется сеть над- (супер-) контактных связей, которая охватывает целые регионы земного шара и перекрывает связи контактных групп разного масштаба. Последние играют все меньшую роль в процессе трансмиссии и аккумуляции культуры. Фольклорное наследие все больше сохраняется в обобщенных, или вторичных, формах.

Таково было основное направление развития. Вместе с тем в XX веке в ряде стран, наиболее сильно страдавших от гигантских военных столкновений века, можно отметить периоды, когда совершалось нечто вроде попятного движения, реанимации устных форм бытового характера. Особенно ярко это проявилось в России в годы Гражданской и Великой Отечественной войн. Фронтовые солдаты, жители оккупированных районов, вывезенные в Герма-

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

нию «невольники», военнопленные, лишенные книг, журналов, кино, радио, которые уже были для них привычными, оказались в условиях господства устных форм не только общения, но и самовыражения, притом в экстремальных условиях. Это обстоятельство сыграло значительную роль в деформации (хоть и временной) структуры духовной культуры. Сходные явления в большей или меньшей степени отмечались и в других странах Европы. Кстати, заметим, что сходные процессы отмечены исследователями и в материальной культуре оккупированных областей.

Предложенная выше схема отнюдь не претендует на решение всех проблем, связанных с историей фольклора в культурологическом аспекте, и тем более всех проблем истории духовной культуры. В самой общей форме мы стремились показать, с какой степенью неизбежности менялся контекст духовной культуры, в котором существовали явления, обозначенные как фольклорные, как менялись функции фольклора и даже его природа под влиянием развития, разветвления, дифференциации, обогащения, аккумуляции и т. п. духовной культуры и, разумеется, социальной структуры общества, как возникали и менялись «соседи» фольклора, принимавшие на себя все больше и больше его традиционные функции. Напомним, что мы хотели тем самым показать несостоятельность попыток уложить этот длившийся века, но динамичный процесс в прокрустово ложе обобщенной и упрощенной формулировки, которая охватила бы основные свойства фольклора всех времен и народов. И наконец, среди многих проблем, которых мы не смогли коснуться в настоящей статье, две заслуживают особого внимания. Первая — это сочетание стабильности и вариативности фольклорной традиции как способ ее существования [Чистов 1986: 107—178; 1980б: 21—34; 1981: 14—22]. Упомянув эту проблему, мы позволим себе сослаться на специальный раздел «Традиция. Стереотип и вариативность. Вариационная поэтика» нашей монографии «Народные традиции и фольклор»[6]. Вторая проблема — фольклор и культура этноса[7]. С первых десятилетий формирования фольклористики стержневой была и остается проблема соотношения интернационального и национального (этнического) в фольклоре каждого народа. Проблема эта разрабатывалась постоянно, и характер ее решения формировал основные направления и школы фольклористики. Она остается сложной. Да, собственно, и в прошлом она казалась простой, только когда фольклорист ограничивался легкомысленным знанием лишь своего народа. Л. Я. Штенберг когда-то справедливо говорил своим студентам: «Знать один народ — значит не знать ни одного народа». Современная фольклористика, стремясь познать общие закономер-

[6] См. с. 77–116 настоящего сборника. — *Примеч. ред.*

[7] Подробнее см.: [Чистов 1973а: 365–385].

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

ности развития фольклора, не может не считаться с тем, что он воспринимается самими народами как драгоценное для них выражение этнической специфики, духа народа. Разумеется, соотношение общечеловеческого и специфически этнического каждый раз обусловливается конкретными условиями развития этноса — степенью его консолидированности, характером его контактов с другими этносами, особенностями расселения, менталитетом народа и т. д. и т. п. Если пользоваться категориями генеративной грамматики, можно было бы сказать, что общие, интернациональные закономерности, как правило, проявляются на уровне глубинных структур, а специфически национальные — на уровне поверхностных структур. Если обратиться, например, к сказкам или сюжетным эпическим песням (международная их повторяемость хорошо изучена), то нельзя не констатировать, что их сюжеты в значительной степени международны, а их воплощения в реальных текстах варьируются в разных этнических и локальных традициях, приобретая определенные этнические черты (язык, интимно связанный с фольклором, реалии быта, верований, набор характерных мотивов, из которых, как говорил А. Н. Веселовский, «снуются сюжеты», особенно образы героев и их поведение, природные условия, в которых развивается действие, характерные социальные отношения и т. д.). Разумеется, и сказочная, и эпическая традиции создают как бы свой мир, не имеющий прямых аналогий в действительности. Мир этот измышлен коллективной фантазией, он представляет собой преобразованную действительность. Однако как бы ни была сложна связь сказочной реальности и реальности подлинной, она существует и отражает не просто и не только нечто общечеловеческое, но и особенности бытия и мышления определенного народа. Кроме того, этническая специфика выражается на уровнях выше и ниже сюжета — в характерных контаминациях сюжетов (см.: [Krzyżanowski 1963: 267–278; СУС 1979: 395–397]), наборе сюжетов, специфичном для каждого народа, системе жанров и их дифференцированности и т. д.

Целому ряду направлений и школ XIX — начала XX века было свойственно преувеличение интернационального начала, даже отрицание возможности конвергентного, спонтанного появления сходных явлений, стремление объяснять их преимущественно заимствованиями («теория заимствования», теория «культурных кругов», финская школа и другие диффузионистские теории). Но поистине удивительно в наши дни встречаться как с вновь нарастающими националистическими изоляционистскими идеями, так и с полнейшим этническим нигилизмом. Последнее на фоне современного напряженного этнического самосознания народов Европы столь же противоестественно. Так, в своем весьма амбициозном интервью для сборника «Ожог родного очага» И. Г. Левин решительно

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН

утверждает, что само представление о народах (этносах) — досужая выдумка этнографов, которым недостает «народоведческого ликбеза»[8]. По его мнению, оно было якобы распространено через школы и средства массовой информации и теперь выдается за истину. Если нет народов, то, следовательно, нет и не может быть русской, немецкой, таджикской, тувинской или какой-либо другой сказки, а есть только «сказка вообще». Подобные идеи выдаются за последнее достижение европейской науки, хотя все это явно противоречит современной теории и практике фольклористики.

Можно было понять энтузиазм компаративистов XIX века — на их глазах развивался процесс введения первых сведений о фольклоре народов мира в оборот этнографии и фольклористики и открывались параллели и подобия в таких масштабах, о которых ранее не думали. В наши дни подобные оценки, вероятно, связаны с политизированной реакцией на новую волну национализма, характерную для современного мира. Однако они ведут к раскачиванию фольклористической теории, выработанной современной наукой, к порождению искусственных противоречий и надуманных загадок. Именно поэтому в заключение нашей статьи мы вынуждены были обратиться к данной проблеме, безусловно важной для общей теории фольклора в культурологическом аспекте. Мы не касаемся как других идей, высказанных в этом интервью, так и содержащихся в нем противоречий. Отметим только, что, отрицая существование этносов, И. Г. Левин все-таки признает бытование «народной этнологии», называя так то, что принято обозначать термином «этническое самосознание», хотя и считает его продуктом невежества и фантазии. Себя он называет «народоведом». Что же, «народоведы» занимаются тем, чего нет?

[8] Нужен народоведческий ликбез: Интервью с народоведом И. Левиным // Ожог родного очага. М., 1990. С. 241—249.

Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/02/5-94282-299-9/
© МАЭ РАН